

(архив или издание), характер рукописного документа (автограф, машинопись), особенности публикации (полный вариант или отрывок), дается биография мемуариста (если автор неизвестен, проводится процедура атрибуции), в случае необходимости дополнительно сообщается об истории написания и публикации источника, указываются все предыдущие публикации. Далее идут комментарии по содержанию публикуемых документов.

Во время подготовки сборников большое внимание уделялось подготовке именного указателя, который представляет собой краткие биографические справки персоналий, упомянутых в мемуарах. Завершается каждый сборник списком сокращений, как встречающихся в текстах источников, так и принятых составителями.

Отметим, что работа над публикацией не заканчивается моментом получения тиража из типографии. Составители уделяют большое внимание презентации сборника, выступая на разных площадках, делая рассылку в библиотеки, размещая информацию на профильных сайтах и в социальных сетях.

Таким образом, можно утверждать, что субъективность археографических трудов, связанная в первую очередь, с процессом издания, может быть минимизирована при условии четкого понимания принципов и правил издания, что возможно только при тщательном планировании документальной публикации. При этом стоит учитывать, что каждый вид источника требует особых подходов ко всем составляющим археографической работы, что обусловлено спецификой того или иного документального массива. Понимание этой специфики не только усиливает коммуникативные свойства публикуемых источников, но и упрощает исследовательские процедуры, связанные с источниковедческим анализом изучаемого памятника культуры, что делает археографическую работу одним из важных способов познания прошлого.

1. Гирич, Б. Видання українських епістолярних джерел кінця XIX – середини XX ст. : методичні рекомендації / Б. Гирич, В. П. Ляхоцький. – Київ, 2000. – 48 с.
2. Данилевский, И. Н. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории / И. Н. Данилевский [и др.]. – Москва : РГГУ, Ин-т «Открытое общество», 2004. – 701 с.
3. Козлов, В. П. Основы теоретической и прикладной археографии / В. П. Козлов. – Москва : РОССПЭН, 2008. – 224 с.
4. Методичні рекомендації до видання джерел усної історії [Електронний ресурс] // Усна історія Степової України. – Запоріжжя, 2008. – Том 1. – С. LV–LXIX. – Режим доступу: http://archeos.org.ua/?page_id=205. – Дата доступу: 03.03.2021.
5. Німчук, В. В. Правила видання пам'яток, писаних українською мовою та церковнослов'янською української редакції. Проект / В. В. Німчук. – Київ, 1995. – Ч. 1. – 54 с.
6. Папакін, Г. В. Правила публікації архівних документів / Г. В. Папакін [Електронний ресурс] // Енциклопедія історії України. – Режим доступу: <http://resource.history.org.ua/cgi-bin/eiu/history.exe?C21COM=F&I21DBN=EIU&P21DBN=EIU>. – Дата доступу: 03.03.2021.
7. Правила издания исторических документов в СССР / Главрхив СССР [и др.]. – 2-е изд., перераб., доп. – Москва, 1990. – 187 с.
8. Себта, Т. М. Методичні рекомендації до видання іншомовних писемних джерел XIX – початку XXI ст. / Т. М. Себта. – Київ, 2008. – 76 с.
9. Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців: у 2 т. / під ред. С. І. Посохова. – Харків : Сага, 2008–2010. – Т. 1–2.
10. Харківський університет (1917 – 1941 рр.) у спогадах його викладачів та вихованців / під ред. В. Ю. Іващенко. – Харків : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2016. – 432 с.

Чикалова И. Р.

ПИСЬМА С ФРОНТА: ПУБЛИКАЦИИ ЭГО-ИСТОЧНИКОВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Письма с фронта являются ценнейшим источником для изучения войны в разных ее проявлениях. В них отражалась сама повседневность войны: бои в наступлении и при отходах, фронтовой быт и смена солдатских настроений. Ценность такого источника, как письма с фронта, была понятна уже современникам. Именно солдатские письма, правда, английских солдат, К. И. Чуковский положил в основу своей книги путевых очерков по Англии «Заговорили молчавшие! (Англичане и война)», написанных в ходе пятидневной ознакомительной поездки в страну-союзницу в феврале – марте 1916 года в составе группы русских журналистов и писателей. Эти письма, – пишет Чуковский, *«разноголосы и пестры, ибо так различны писавшие их, но все они сливаются в одно, и если читать их подряд, сотнями и сотнями тысяч, то уже не замечаешь ни Джонсонов, ни Джонсонов, а видишь одного только автора, и этот автор – народ»* [11, с. 6–7]. При этом цитаты из русских солдатских писем нередко встречались в английских публикациях, – пишет Чуковский: *«Я даже перевел два отрывка. Не дико ли, что русские письма приходятся разыскивать в Лондоне и печатать их в переводе с английского, а в России так-таки не нашлось никого, кто бы их собрал и издал»* [11, с. 125].

Чуковский не вполне прав. Письма с фронта, фактически очерки и зарисовки, облеченные в определенную литературную форму, стали появляться с самого начала войны. Принадлежали они перу образованных участников боевых действий – офицерам действующей армии. Уже в 1914 г.

в Петрограде была выпущена книга «В огне. Боевые впечатления участников войны». Она не что иное, как сборник фронтовых писем без указания каких-либо сведений об авторах и месте описываемых событий. Собственно, в одном из посланий есть и объяснение этому: *«Не назову части, где служу, не назову даже места, где мы дрались... нам воспрещено об этом говорить... Но о том, что я пережил в бою, я могу вам рассказать»* [1, с. 6]. И автор, артиллерийский офицер, выполняет свое обещание: *«Вижу немцы пошли в атаку... Один полк неприятеля расстрелян, расстрелян второй, а я все навожу и стреляю... Нервная дрожь исчезает, я прихожу в ярость и без всякого сострадания палю в неприятеля... А он все подступает, и все ложится. Я не понимаю вражеского маневра. Но что мне он сейчас? Я занимаю удачную позицию и кошу его, точно крепкий батрак, с косою в руках забравшийся на густое клеверное поле»* [1, с. 6–7]. Таким же образом и другие тексты этого сборника позволяют лишь представить образ человека на войне, его отношение к врагам и долгу по защите собственной страны.

Вышли и другие подобные публикации. Во втором полугодии 1916 г. в журнале «Северные записки» стали печататься очерки «Из писем прапорщика-артиллериста», написанные в госпитале после ранения и адресованные матери, жене и однополчанам [3]. Обозначены они были псевдонимом «Н. Лугин», настоящее же имя автора – Федор Степун. Он учился в Гейдельбергском университете, защитил докторскую диссертацию по философии Владимира Соловьёва, в возрасте 30 лет попал на австрийский фронт, был ранен, лечился в госпитале. Впоследствии Степун стал известнейшим ученым. Целиком его письма впервые вышли в Праге в 1926 г. [7]. Первое письмо датировано 12 сентября 1914 г., последнее – 4 марта 1917 г. В письмах подробно запечатлены картины военного быта, потерь товарищей. 14 октября 1914 г. Степун пишет: *«Вот уже шестой час стоим мы у австрийской границы и не можем переправиться в виду заваленности дороги военным грузом. Следы войны здесь, как открытые раны. Сожженные постройки, опаленные кусты, разбитые бронзовые пушки австрийцев, поезда с ранеными, пленными, и на каждой станции страшные рассказы санитаров и врачей. Все эти впечатления я уже не воспринимаю, а умело топлю в своей душе, привязывая каждому к шее тяжелый груз моего упорного нежелания знать»* [7, с. 13]. *«Не приходило ли тебе в голову, читая и слыша, как много за последнее время умерло выдающихся людей, что умерли все не от болезней, а от того безумия и страдания, что война принесла в мир?»*, – пишет Степун матери 28 октября 1915 года [7, с. 154].

Очень быстро возникло понимание того, что письма рядовых участников военных событий понадобятся будущим исследователям. Начались попытки их сбора и систематизации. Действительный член Императорского русского географического общества И. И. Ульянов со страниц брошюры «Клятвенные обещания в окопах» обратился с просьбой направлять солдатские письма и дневники в рукописное отделение Императорской Академии Наук в Петрограде [8, с. 16]. Е. В. Молодцова, блестяще образованная женщина, учившаяся во Франции и Италии, также действительный член Императорского русского географического общества, собрала на территории Казанской губернии, где проживала в родовом имении, коллекцию солдатских писем 1914–1916 гг., адресованных родителям, и опубликовала их отдельным сборником [4]. Она страстно призывала: *«Собирайте солдатские письма. В них – и мрак, и свет нынешней беспримерной войны. <...> Думаю, что помещаемые ниже выдержки из солдатских писем, несмотря на их отрывочность, не нуждаются в обобщении. Они ценны, как отдельные мазки, дающие в своей сложности яркую картину – образ самого художника – русского народа»* [4, с. 9, 10]. Молодцова с горечью отмечала: *«Можно с уверенностью сказать, что через год после окончания войны, памятки, написанные о ней солдатами, совершенно исчезнут из наших глухих деревень, и утратятся драгоценные человеческие документы, подлинное слово народа о пережитой им великой военной страде»* [4, с. 5]. К счастью, эти опасения не оправдались. Многие солдатские письма разными путями попали в архивы. Сохранились они во многом благодаря институту военной цензуры, действовавшей во время войны, т. к. фрагменты или даже целые письма попадали в сводки цензоров, которые отложились в фондах архивохранилищ.

После Октябрьской революции и установления Советской власти ракурс интереса к солдатским письмам изменился. Письма стали рассматриваться как важный источник по изучению трансформации настроений на фронте, радикализации солдатских масс. К 10-летию юбилею революции О. Н. Чаадаева подготовила и издала с предисловием М. Н. Покровского сборник «Солдатские письма 1917 года» [6]. В него вошли 129 писем, датированных мартом – ноябрем 1917 г. и адресованных частью в Петроградский Совет, частью во ВЦИК. Поскольку публикация писем приурочивалась к годовщине революции, целью сборника было показать, «как большевизировались массы в результате политики керенщины» [6, с. 1], на что прямо указывает издатель сборника Истпарт – Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП (б). Автор предисловия М. Н. Покровский отметил, что сводки цензоров о содержании писем показывают изменение настроений солдатских масс. При этом, обращает внимание Покровский, военное начальство, а цензура была ему подчинена, имело интерес *«представить настроение на фронте в благоприятном свете;*

стремление показать, что “все обстоит благополучно” весьма явственно сквозит во всех цензорских сводках. Но тем ценнее то, что даже в них прорывалось». Да и солдаты, прекрасно зная о цензуре, в письмах, как правило, не откровенничали, чего «не могли не понимать и сами цензоры»: «Сравнительная бесцветность корреспонденции – замечает одна из сводок – отчасти объясняется наличием цензуры, и наиболее верно отражающая истинный характер настроения переписка происходит помимо цензуры» [6, с. 6–7]. «Разумеется, – пишет Покровский, – цензура уверяла, что, в общем, “настроение бодрое” и “поднимается»» [6, с. 8].

К 20-летию юбилею начала войны О. А. Чаадаева на страницах журнала «Красный архив» разместила еще одну подборку солдатских писем с фронта – всего 172 документа [10], извлеченных из двух фондов – штабов главнокомандующих армиями Юго-Западного и Северного фронтов русской армии. В основном это выдержки из солдатских писем, попавшие в выборки военных цензоров. На этот раз временной охват писем был шире: 1915–1917 годы. Хотя в духе времени подборка писем должна была не столько восстановить картину положения и быта солдата царской армии, сколько «проследить процесс нарастания революционного недовольства среди многомиллионной массы фронта», представленная в них тематика отличалась разнообразием [10, с. 118]. Письма систематизированы по следующей схеме: довольствие фронта (пища, одежда, обувь); вооружение фронта, снаряды; армейский режим и взаимоотношения солдат и офицеров; болезни, содержание солдат в лазаретах; неудачи на фронте и влияние поражений на настроение солдат; недовольство войной и ожидание мира; сдача в плен, дезертирство; отказы от наступления и «забастовки» солдат; братание с противником; интерес к внутренним событиям и нарастание революционного недовольства на фронте. Чаадаева подчеркивает, что цензоры «подбирали наиболее выигрышные с официальной точки зрения письма и потом уже давали выдержки, рисуя проявления недовольства солдатской массой». Несмотря на то, что содержание выдержек и отдельные замечания самих цензоров говорили об усталости от войны, недовольстве начальством, желании мира и т. п., цензорские отчеты механически повторяли: «Воля масс к победе остается непреклонной и неизменной» [10, с. 122].

Идеологическая установка на показ революционизирования солдатских масс, отраженного в их личной переписке, отчетливо прослеживается в сборнике солдатских писем, изданном в 1932 г. [9] Отбор произведен таким образом, чтобы показать, по словам составителей (А. Максимов, Е. Медведев и Ш. Юсупов), что «никакого врожденного, стихийного монархизма и патриотизма русского крестьянина-солдата... не было. В патриотических письмах первого периода войны надо видеть, скорее, просто воинственный задор солдата, желавшего показать удале» [9, с. 16].

Представление о подлинном отношении к затянувшейся войне и назревавшей революции дают письма, не отфильтрованные цензурой. Журнал «Красный Архив» опубликовал на своих страницах подборку, озаглавленную: «Из офицерских писем с фронта в 1917 г.». Но это не «офицерские письма», т. е. письма нескольких человек, а письма одного офицера некоего гвардейского полка, действовавшего на Юго-Западном фронте. Ни в редакционном комментарии, ни в самих письмах не указаны ни номер или название полка, ни звание и фамилия самого офицера. Сами письма написаны между 1 марта и 3 июля 1917 г., а значит, охватывают события от Февральской революции до конца июньского наступления русских армий. Известие о революции, пишет автор, солдаты восприняли по-разному: «сознательное меньшинство довольно, но хочет отомстить вождям павшего режима, большинство же относится ко всему произошедшему с полным безразличием и хочет только одного – мира». Революция, отмечает автор в одном из писем, проложила пропасть между солдатами и офицерами: в глазах солдат «произошла не политическая, а социальная революция, от которой мы, по их мнению, проиграли, а они выиграли». Военный и нравственный уровень армии резко упал: «армия погибает... Офицеров не слушают, службу перестали нести исправно, очень возбуждены и очень недоверчивы. Собираются митинги и утром, и днем, и вечером – говорят, говорят и постепенно укрепляются в мысли, что никому нельзя верить... Войну продолжать не хотят» [2, с. 197, 198, 200, 206].

Названные публикации фронтовых писем, отразившие эволюцию солдатских настроений от первых дней войны до революции, на протяжении всего межвоенного времени и даже десятилетий после окончания Великой Отечественной войны оставались единственными опубликованными сборниками солдатского эпистолярного наследия. И только к столетию Первой мировой войны вышла подлинно народная летопись – фундаментальный труд «Письма с войны. 1914–1917 гг.», подготовленный А. Б. Асташовым и П. А. Симмонсом [5].

1. В огне. Боевые впечатления участников войны. – Пг. : Грамотность, 1914. – 79 с.
2. Из офицерских писем в 1917 г. // Красный Архив. Исторический журнал. – 1932. – Т. 50–51. – С. 194–210.
3. Лугин, Н. Из писем прапорщика-артиллериста / Н. Лугин // Северные записки. – 1916. – № 7–9.
4. Молостова, Е. В. Солдатские письма / Е. В. Молостова. – Казань, 1917. – 98 с.
5. Письма с войны, 1914–1917 / сост.: А. Б. Асташов, П. А. Симмонс. – М. : Новый хронограф, 2015. – 794 с.

6. Солдатские письма 1917 года / подг. О. Н. Чаадаевой ; с предисл. М. Н. Покровского / Истпарт, Отдел ЦК ВКП (б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП (б). – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1927. – 165 с.
7. Степун, Ф. Из писем прапорщика артиллериста / Ф. Степун. – Прага : Пламя, 1926. – 267 с.
8. Ульянов, И. И. Ульянов И. И. Клятвенные обещания в окопах (Из материалов лично собранных). – Пг. : Типография МВД, 1915. – 16 с.
9. Царская армия в период мировой войны и Февральской революции: (Материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны) / сост.: А. Максимов [и др.] ; под ред. А. Максимова. – Казань, 1932. – 239 с.
10. Чаадаева, О. А. Солдатские письма в годы мировой войны (1915–1917 гг.) / О. А. Чаадаева // Красный Архив. – 1934. – Т. 65–66. – С. 118–163.
11. Чуковский, К. И. Заговорили молчавшие! (Англичане и война) / К. И. Чуковский. – 3-е изд. – Пг., 1916. – 185 с.

Вовина-Лебедева В. Г.
ПОДГОТОВКА К ИЗДАНИЮ ПЕРЕПИСКИ УЧЕНЫХ
(НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕПИСКИ А. А. ШАХМАТОВА)

Академик А. А. Шахматов был одной из наиболее ярких фигур гуманитарной науки Российской империи конца XIX – нач. XX в. До сих пор его труды, как по истории языка, диалектологии и сравнительному языкознанию, так и по истории русского летописания, – остаются предметами изучения и полемики, порой ожесточенной [7, с. 3–27]. Само по себе это делает архив А. А. Шахматова важным источником для ученых, работающих в этих областях науки. Но А. А. Шахматов играл также важную роль в Императорской Петербургской академии наук, долгое время председательствовал в Отделении русского языка и словесности, а также возглавлял Русское отделение Библиотеки академии наук. К нему сходились нити многих научных проектов [3, с. 112–120]. Поэтому в его фонде в С.-Петербургском филиале Архива РАН отложились важные материалы по истории науки, как академической, так и университетской. Отдельно отметим значение сохранившейся переписки А. А. Шахматова. Он вел ее практически со всеми крупными учеными своей области, как филологами, так и историками, жившими как в университетских центрах Российской империи, так и в провинции. Эту переписку необходимо ввести в научный оборот и для исследований умонастроений общества, в особенности его интеллектуальной элиты, а также повседневной жизни в период перед революциями 1917 г., в революционную эпоху [5, с. 435–441; 12, с. 16–35] и во время Гражданской войны [6, с. 93–103].

Важность переписки А. А. Шахматова уже давно осознана научным сообществом [13, с. 228–235]. Были опубликованы некоторые ее части, например, фрагмент переписки с И. В. Ягичем [1, с. 13–104], Ф. Ф. Фортунатовым [2, с. 60–75] и др. Особое значение имеет переписка А. А. Шахматова с его учителями, прежде всего, с Ф. Ф. Фортунатовым и Ф. Е. Коршем. Незадолго до Великой отечественной войны дочь А. А. Шахматова готовила издание этих писем, правда, в извлечениях, в «Трудах комиссии по истории Академии наук СССР», и машинописные варианты этих материалов сохранились в СПбФ АРАН. В связи со смертью во время блокады Ленинграда С. А. Шахматовой, которая была, очевидно, мотором этого проекта, или по другим причинам – но после войны сборник статей и материалов А. А. Шахматова под редакцией одного из его учеников С. П. Обнорского вышел без этой переписки. Ее было обещано опубликовать во втором томе [1, с. 9], который так и не вышел в свет.

Я обратилась к фонду А. А. Шахматова и его переписке, когда стала заниматься историографией древнерусского летописания [9, с. 251–266, 301–317, 390–426 и др.]. Материал оказался настолько обширным и разнообразным, что было решено подготовить к публикации наиболее значительные комплексы переписки. В 2018 г. из печати вышел первый том 3-х томной «Избранной переписки» академика А. А. Шахматова [14]. Книга включает переписку А. А. Шахматова с Ф. Ф. Фортунатовым (подг. к печати и комментарии В. Г. Вовиной-Лебедевой), В. Н. Перетцем (подг. к печати и комментарии Е. Н. Груздевой) и В. М. Истриным (подг. к печати и комментарии А. Е. Жукова). В настоящее время тот же коллектив подготовил к печати Т. 2, в котором будут изданы четыре комплекса переписки: с Ф. Е. Коршем (подг. к печати и комментарии Н. В. Крапошиной и Е. Н. Груздевой), с С. П. Розановым (подг. к печати и комментарии Е. Н. Груздевой), с А. Е. Пресняковым и с В. А. Пархоменко (подг. к печати и комментарии В. Г. Вовиной). Кроме того, в этот том войдут письма учеников и последователей А. А. Шахматова, ответы на которые самого А. А. Шахматова не сохранились (подг. к печати и комментарии В. Г. Вовиной-Лебедевой): М. Д. Приселкова, С. П. Обнорского, Н. Н. Дурново, Л. Л. Васильева, Н. Н. Виноградова, С. А. Еремина. Запланирован и третий том, в который войдет переписка с крупнейшими славистами, а также с общественными деятелями, сотрудниками и руководством Академии наук.

Для этого издания нами были разработаны принципы воспроизведения текста, учитывающие тот факт, что во многих письмах содержатся обширные цитаты и примеры лингвистического свойства. Вообще, при подготовке обоих томов у издателей возникали одни и те же проблемы, которые будут показаны на материале Т. 1.